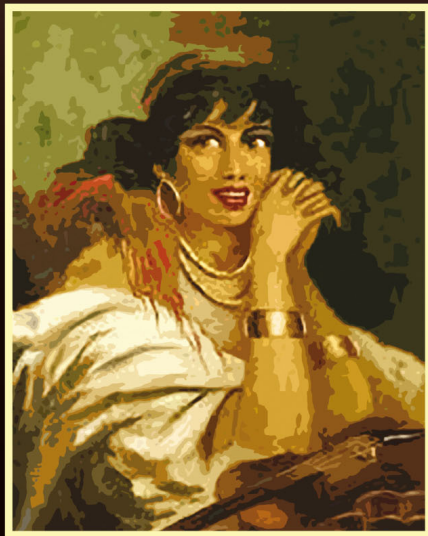

Стефка Модар

ГАБИ

Легенда о любви

Стефка Модар

Габи. Легенда о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847083

Габи. Легенда о любви:
ISBN 978-5-98862-517-9

Аннотация

На страницах этой книги читатель познакомится с легендой о судьбоносной встрече всемирно известного французского писателя Виктора Гюго с необычной женщиной, которая осталась тайной для всех.

Однажды в Париже писатель повстречал венгерку (цыганку из Трансильвании). Её звали Габи. Она предрекла ему будущее, в котором Гюго суждено было познать и свет, и тьму. А затем вошла в его жизнь полноправной хозяйкой.

Девушка внесла в его душу не только мир и покой, но и хаос, как бывает при страстной любви. Гюго предал ради неё Адель, свою жену, и детей, что принесло ему в дальнейшем одни разрушения и потери. Габи, родившая ему сына, вынесла тяжёлые испытания, заплатив за любовь очень высокую цену. Для самого Виктора Гюго эта тайная связь с цыганкой обернулась жестокой внутренней борьбой...

Получая удары судьбы, он понимал, за что расплачивается.

Содержание

I	5
II	15
III	20
IV	24
V	31
VI	34
VII	37
VIII	41
IX	46
X	48
XI	57
XII	68
XIII	73
XIV	78
XV	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Стефка Модар

Габи. Легенда о любви

*...О память! Слабый свет среди теней!
Заоблачная даль тех давних дум!
Прошедшего чуть различимый шум!
Сокровище за горизонтом дней!*

Виктор Гюго

© Беллас С., 2019

I

Дорога

...Трансильвания. Сигет. Очередная остановка в корчме в попытке найти хоть какой-то след Габриэллы. Её табор вот уже два месяца кочевал, переходя из одной страны в другую, из города в город. Для цыган не существует границ, для них открыты все дороги. Десять дней как он ищет в Венгерском королевстве свою цыганку Габи, без которой не может, как с недавних пор понял, ни есть, ни дышать, ни писать. Она его околдовала, загипнотизировала – там, во Франции, несколько месяцев назад.

На этот раз Гюго остановился в номере средней руки. Лёжа на постели, глядя в потолок, найдя некую точку отсчёта, он невольно окунулся в глубины своих воспоминаний, которые не отпускали его. Столь долгое время он скитается в поисках Габи. Изю дня в день по чужим пыльным дорогам, лишь бы поймать её милый сердцу след, найти ту ниточку, что выведет его из серой жизни в далёкую и яркую, давшую ему второе дыхание, новую любовь, и вновь окрасит мир вокруг в неимоверно тёплые тона...

...Летний день. Площадь у собора Парижской Богоматери многолюдна. Горожане прогуливались парочками, глаза на

других, чтобы заполнить свой досуг, убить дневное время.

Одним из таких ротозеев предстал Гюго. Он в очередной раз рассматривал достопримечательность Парижа, которую любил посещать для исповеди перед самим собой. Возможно ли такое, чтобы кого-то не впечатлил собор Парижской Богоматери?! Это превосходное творение рук человеческих! Он построен по старо-романскому формату базилики, что вносит определённую харизму – милости, божественного дара, благодати, одновременно с этим небывалую мощь и подавляющую царственность. Хотя он, Гюго, воспринимает это творение как подобие готического храма, завораживающего всех, кто устремляет взгляд на неподдельное совершенство гармонии и красоты.

Фасад собора, центральная его часть, разделяется на три ступени горизонтальными классическими линиями. Первая ступень открывает глазам три портала, как аргумент совершенства, центрального и боковых строений. Само величие его в том, что по обеим сторонам от портала – олицетворение в виде статуй Церкви торжествующей и Церкви поверженной. Подчёркнуто золотым фоном. На тимпане центрального портала собора изображён Христос, принимающий покаяние, взвешивающий души усопших и отделяющий праведных от неправедных. Средневековая традиция повергать в трепет изображением сцены Страшного Суда. Над галереей Царей – апофеоз, что являет собой скульптура Богоматери в окружении двух ангелов; ореолом для них служит огромное

окно-розетка, шедевр из цветного стекла в соприкосновении с камнем. Величие собора неоспоримо. Именно в нём 2 декабря 1802 года, а это был год рождения Гюго, состоялась церемония коронования Наполеона Бонапарта.

Гюго углядывал в соборе что-то мистическое, хранящее пророчество, даже своей формой напоминающее начальную букву «Н» (HUGO). Он впитывал немую информацию от камней собора, доносившую ему о прошлом, настоящем и будущем его Франции.

Воздух разрядил звон колокола. Гюго отвёл взгляд от собора Парижской Богоматери; на душе было беспокойно, звон колокола пробирал насквозь, очищая помыслы.

Внезапно к нему подошла девушка-цыганка, навязчиво предложив погадать, «предсказать судьбу». Цыганка, подболевшись, чуть грубовато бросила:

– Месье! Давай я расскажу тебе всю правду... – холодно взглянув, обожгла взглядом.

Да так, что от её взгляда он ощутил озноб, заныла поджелудочная железа. Гюго внимательно посмотрел на девчонку, на вид – лет тринадцати. Она словно почувствовала его испуг и недоверие, посмотрела на него открытым взглядом, с уверенностью сказала:

– Не обману! На кресте поклянусь... – тут же вынимая из-за пазухи золотой крестик, поцеловала, продолжив уговоры: – Дай мне золотой, и я осчастливорю тебя!

Пристально изучая перемены в его лице, она цепко взгля-

нула в глаза и после паузы добавила:

– Или огорчу.

Девчонка молниеносно, привычным движением выхватила из кармана фартука зеркало и приставила к протянутой Виктором левой открытой ладони. Немного сконфуженно, поцокивая языком, произнесла:

– Да, месье! Хоть ты мне и в отцы годишься, но правду скажу тебе, – она передёрнула плечами, – без обид, прямо в глаза.

Она внимательно посмотрела на него в упор, продолжив:

– Глаза у тебя умные! Вижу! Чиста твоя душа.

Гюго от смущения залился краской, не зная, что ответить.

Габи разглядывала его ладонь, как настоящая ведунья, словно считывала информацию, которую хотела ему открыть:

– Грешен!

Он отшатнулся в смятении.

Она, не глядя на его реакцию, продолжила:

– Не кайся передо мной, я не аббат. Любишь жизнь, гуляешь... – резко взглянула в его побелевшее лицо. – Мужчин любишь? – хмыкнула она с кривой усмешкой.

Гюго изменился в лице, побагровев. Цыганка неодобрительно покачала головой:

– Ай-яй-яй! Женщины надоели? – и взглянула на него с укором.

По телу мужчины пробежали мурашки.

Заметив это, девчонка, не скрывая ухмылки, выпалила:

– Не стесняйся! Я и не такое могу про людей узнать. Не злодей, вижу! Рука не потеет... – вскользь бросила на него взгляд и поспешила добавить, – гордый! Честный ты, дядька!

Прервав гадание, она серьёзно и требовательно проговорила:

– Золотой накинь! Шалью накрою его, чтобы прочувствовать твою судьбу.

Гюго положил золотой на свою раскрытую ладонь. Девушка внимательно всмотрелась в его лицо, словно пророча, сказала:

– Ёй! Ты скоро встретишься с ней!

Гюго сконфузился, не понимая смысла её слов, скорее из праздного любопытства поинтересовался:

– С кем?

Габриэлла, считая свои слова правдой, безапелляционно выпалила:

– С кем?! Да с ней! Со своей новой пассией! – впиваясь взглядом, словно в поисках ответа, она рассматривала чуть ли не каждую мелкую деталь, неуловимое выражение на его лице. И продолжила в трансе: – Вижу её силуэт! Сродни моему. Молодая, красивая, – удивлённо, – вижу как себя! – Тихонько пробормотав: – Длинная коса... – поднесла ближе к глазам его ладонь, считывая дополнительную информацию, тут же довольно выпалила, – опутает ею она тебя! Влюбишься, как пить дать!

Гюго, не понимая ничего из сказанного, тихо спросил:

– В кого?..

Габриэлла, куражась в своей уверенности и правдивости, с усмешкой добавила:

– Да в неё, а может, и в меня! Ну очень уж она похожа на меня! Точь-в-точь я! Сып кишлань! ¹ – И засмеялась: – Забудешь тоску! Будете, месье, жить с ней, как муж и жена, и родит она от тебя ребёнка... – Посмотрела на него растерянно: – Предашь её!.. Ребёнок?!

Она с напряжением вглядывалась во вновь приставленное к его ладони зеркальце, цокая языком, с испугом сказала:

– Нет! Такой судьбы!.. Я не желаю ни ей, ни, тем более, себе. – И, резко стрельнув взглядом в глаза Гюго, грубо сказала: – На, забирай свой золотой!

Гюго не понимал происходящего, но был заинтригован.

– Отчего? – поинтересовался он. – Что за тайну ты утаила?

Цыганка молчала, и он продолжал настаивать:

– Скажи! Я всё равно не верю твоим гаданиям, так что можешь спокойно взять золотой... Хоть за свой артистизм!

Габриэлла со злостью посмотрела на него исподлобья. Её глаза были чернее ночи. Она резко, по-мужски, выругалась:

– Иштенем! Курваро рос! ²

Гюго её брань показалась забавной.

Он с усмешкой посмотрел на девушку, недоверчиво пока-

---

¹ Красивая девочка! (Szép kislány! – венг.)

² Боже мой, очень хре... (Kurvóra rossz – венг.)

чал головой и хмыкнул.

Габриэлла яростно взмахнула руками, пытаясь доказать ему свою правоту.

– Э-э, месье! Не любил ты ещё никогда по-настоящему! Помяни моё слово, наплачешься, нары-даешься, изопьёшь чашу счастья до дна и отравишься! Предашь девчонку, а ребёнка отдашь в чужие руки.

Она это произнесла с таким отчаянием, словно спускала пар, после чего, выдохнув, замолчала. Гюго продолжал безмолвно стоять с презрительной усмешкой на лице.

Перехватив его ироничный взгляд, цыганка разозлилась: – За твои насмешки скажу тебе правду! Останешься ты один-одиёшенек! – она сверлила его пристальным взглядом, – умрёт она не своей смертью... – поглядев в укор, – из-за тебя, месье! Не завидую я ей... Да и тебе. Пить будешь и сходить из-за неё с ума.

Он посмотрел на неё, изменившись в лице.

Она, подметив возникший интерес, добавила:

– Не сойдёшь... Это будет твоя расплата пред ней и сыном. Ты раб! Господин не ты! Господь – твой Господин!

Она даже как-то приосанилась от высказанной правды, уверенно подытожив:

– Жить тебе долго и безбедно, пока не пропьёшь всё, что приобрёл. Капли красного вина станут слезами. Пить ты их будешь до дна. Её имя раной останется на твоей душе! А зовут её, помяни моё слово, как и меня.

Гюго надоела болтовня цыганки, и всё же он поинтересовался:

– И как же её зовут? – чуть напрягшись. – Раз знаешь, скажи!

Цыганка с усмешкой бросила на него суровый взгляд.

Он, стараясь игнорировать его, ощущая внутреннюю дрожь, продолжал настаивать:

– Назови своё имя!

Она, отступившая от него на пару шагов, вернулась, оглядела Виктора с ног до головы и требовательно произнесла:

– Дай золотой, что я вернула тебе! Потри его в своей руке, оставлю на память, свидимся – спрошу, правду я нагадала или нет.

Гюго с лёгкостью отдал золотой. В ответ услышал:

– Запомни имя моё! Меня зовут Габи! Го-а-би! По-венгерски!

Гюго смущённо крикнул вслед убегающей девушке:

– Габи?!

Цыганка, обернувшись, пояснила:

– Габи! Я венгерка из Трансильвании! Слышал такие места? Ой, гиблые! Там бог Ра жил когда-то. Не зря говорят: цыгане – дети Господа!

Гюго заинтересовала девчушка. Размышляя об услышанном, он крикнул:

– Да, я слышал! Габриэлла?!

Габриэлла, уходя всё дальше, подтвердила:

– Да! Го-а-би!

Гюго кивнул головой, с усмешкой прокричал:

– Габи! Габриэлла! Красивое имя! – повеселев, вдогонку громогласно добавил: – я уже влюбился в такую девчонку, как ты!..

Габи вдруг вернулась, заглянула в его глаза и полушёпотом произнесла:

– Влюбись сейчас, месье! Я буду рада! Хочу, чтобы моя правда состоялась! – Немного с грустью, немного с наивной искренностью выкрикнула: – Хочу!

Я правду тебе сказала... – она въедалась взглядом в его открытое лицо, словно что-то хотела прочесть, познать неизведанное до конца, затем с внутренним напряжением в голосе произнесла: – Скажи и ты своё имя, месье! Хочу знать, кто скоро влюбится в меня.

Гюго, смеясь ей прямо в лицо, ответил:

– Виктор Гюго! Я пишу стихи. Слышала? И вообще! Я женат!

Цыганка, удаляясь, пробормотала:

– Нем холлотом, Вики! Сып ныв!³ – и с иронией добавила: – Насчёт женат... Был женат!

Гюго про себя пробубнил:

– Вики?! Чудненько! – крикнув вслед: – До встречи!

Габриэлла спешно удалялась. Она стремительно шла вперёд к собору, бросив на прощание:

---

³ Не слышала, Виктор! Красивое имя! (Nem hallottam, Viki. Szyр нйv! – венг.)

– Висонтлаташро, Вики Ур! ⁴

---

⁴ До свидания, господин Вики! (Vizontlótósa, Viki Ёr! – *венг.*)

II

Бретань

Монастырь при бенедиктинском аббатстве Ландевеннек. Практически полуразрушен. В 1793 году конфискован в казну революционным правительством, но в нём всё же остались четыре монаха, что служили в тот переломный период в аббатстве, и они дали обет оставаться в его стенах до смерти. Их не трогали. Они просто жили, не мешая новым хозяевам.

Келья. Гюго явно загостился у своего лучшего друга – духовного наставника, аббата отца Бруно, который гостеприимно выделил ему келью и послушника-писаря, чтобы тот мог писать под диктовку труды самого Гюго. Некогда его познакомил с ним герцог де Роган, который проводил церемонию проводов Софи (матери) Гюго. Он считался маленьким божком в Бретани, ему принадлежали замки Жослен и Понтиви и прилегающие земли. Все в округе любили и уважали его.

Трагедия герцога затронула сердца многих. Он рано овдовел. Его жена по неосторожности заживо сгорела: одеваясь на бал, она беззаботно кружилась у камина, любуясь новым платьем с богатым кружевом, и не заметила, как искра попала на подол. Наряд тут же вспыхнул факелом смерти. Получив многочисленные ожоги, она на следующий день, сохра-

няя мужество, на руках мужа скончалась.

Герцог Роган, подавленный и убитый горем, поступил в семинарию в Сен-Сюльпис. С его утонченностью ему пришлось пройти испытания; строгие правила его отвлекали от трагедии, он был само послушание...

...Виктор Гюго приехал погостить с лёгким сердцем, как ему казалось изначально. Но, проведя у друга день-другой, замкнулся в себе, писал сначала сам, потом надиктовывал мысли быстро и сумбурно писарю-послушнику. Строчки из его души словно бежали неудержимо... Куда? Наверное, в Париж – к сердцу Габи.

Его мысли хотел разгадать отец Бруно. Он тихо вошёл в келью. За ним незаметно с поникшей головой вошёл мальчик-послушник с трапезой в руках. Аббат вопросительно посмотрел на Гюго, спросил:

– Кто? – недоумевал он. – Ты же сказал, что свободен. Плоть твоя молча смирилась... – Тяжело вздохнув: – Скоро 30!

Гюго, глядя на друга, с тяжестью на душе тихо произнёс: – Казалось так! Но, к сожалению, я встретил в Париже у собора Парижской Богоматери... Её, совсем дитя... – В запале: – Девчонку! И только сейчас... – Тушуясь, признался: – Не долюбил... Или мне казалось, что любил... – не пряча горящего взгляда, – глуп был. Игра воображения, не более. – Надеясь на понимание, пробормотал: – Стало быть,

ещё не встречался с любовью. Под ложечкой сосёт... Говорю, а внутри что-то тянет, затрагивая струны души и сердца. – Горько усмехнулся: – Плохо мне.

Он взглянул на аббата, с мольбой в голосе произнёс:

– Отпусти грехи! Хочу съездить, ещё раз проверить своё чувство к ней, посмотреть, заглянуть в её бездонные глаза. А вдруг это лишь очередная игра моего воображения?

Отец Бруно, глядя на него с изумлением и волнением, потцовски отвечал:

– Не загоняй себя в тупик! Ты – Гений! Значит, будешь жить в Вечности. Не томи душу! Не играй, как мальчишка в поддавки, с тёмной силой. – Невольно задумавшись: – Грехи? Конечно же, отпущу тебе... – вскользь взглянув на друга, спокойно произнёс: – Отпущу непременно, как не отпустить кающемуся. Съезди! Правде в глаза загляни! Любовь! Нельзя отталкивать от себя! То воля Господа!

Гюго с благодарностью посмотрел на друга и выпалил как на духу:

– Знаешь, старик! Ты прав, как всегда! Съезжу! Загляну ей в глаза и с лёгкостью разочаруюсь... – вздыхая с облегчением, – и тогда смело самому себе скажу, что ошибся, что она птица не моего полёта. Я орёл! Она же – белая ворона!

Аббат беззлобно улыбнулся:

– Не стоит так смеяться над чувством! – тут же с любовью добавил: – Я буду молиться за тебя, за твою душу, чтобы она обрела покой, ведь ты уже не мальчик...

Гюго с усмешкой произнёс:

– Это с какой стороны посмотреть... Не мешало бы заглянуть и с изнанки... – хмыкнув, – признаюсь, я себя не ощущаю человеком в годах, как ты намекнул – старичком. – С уверенностью заявил: – Скорее... Стареющим мальчишкой... – глядя на аббата в упор: – А? Как ты думаешь?

У Гюго заблестели глаза в ожидании ответа.

Отец Бруно ответил ему, как другу:

– Но кто ж тебя в старички записывает?

Он с любовью посмотрел на него, поспешив подтвердить:

– Мальчик! Мальчик! Если до сих пор влюбляешься, как в первый раз... И так неопрометчиво. Дон Жуан!

Гюго смотрел на аббата с благодарностью, но глаза его переполняли страх и неизведанная страсть. В порыве чувств он признался:

– Спасибо, брат! Тоска изъела душу, гложет, как червяк, пьёт мою кровь, и я пью... Съезжу, потом отпишу тебе, что и как.

Аббат тихо произнёс:

– Да уж съезди! Наберись смелости, приблизь то, что так притягивает тебя, словно гипнозом. – Покачав головой, со вздохом договорил: – Вижу! Ты всё такой же! Неугомонный! Может, будет легко писаться... – Бросая вскользь: – Послушник жаловался, что ты, мол, замучил его перепиской... – Вглядываясь в лицо Виктора: – Всё тебе, братец, не так.

Определись уже наконец-то!.. – договорив, он развернул-

ся и вышел в сопровождении послушника, который на протяжении всего разговора молча стоял в стороне, с интересом прислушиваясь к беседе.

Гюго остался наедине со своими мыслями.

Вечер. Ворота монастыря приоткрыты. Гюго сидел в калитке, когда к нему подошли два монаха с корзиной еды и его багажом в руках.

Один из них учтиво сказал:

– Месье! Вот, отец Бруно передал вам в дорогу еду и попросил отдать лично в руки это!.. – он передал письмо.

Гюго взял послание и, напрягая зрение, с трепетом прочитал про себя: «Извини! Не смог проводить, замучила подагра. Умоляю! Не вмешивайся в судьбу! Не коверкай её! Прими всё так, как будет! Тебя Господь сделал избранным. Любовь к тебе у него, знай, Отеческая! Цени её! Пишу от сердца и души. Не пей! Прощай, твой Бруно».

Гюго с лёгким сердцем отправился навстречу судьбе.

III

Париж

Раннее утро. Собор Парижской Богоматери. Гюго, как и многие другие, стоял на мессе, вымаливая у Господа лишь одно: долгожданную встречу со своей цыганкой Габи.

Слеза скатилась с его щеки, и он внутренне почувствовал, что прощён Им, самим Господом, вздохнул с облегчением, отметив, что плечи его расправились, видение окружающего стало чище и отчётливей.

Месса закончилась как-то неожиданно быстро, пролетела, вмиг забрав с собой в прошлое тяжесть с души и сердца. Народ толпой повалил на Соборную площадь, Гюго незаметно для себя попал в волну, его будто вытолкнули в день из призрачного страшного сна. Выбравшись из толпы, он искал глазами свою цыганку. Но её нигде не было видно.

Под ногами прохожих, горожан и приезжих гостей шныряли юркие цыганята. Гюго жестом руки попытался остановить хоть одного из них, задать жгущий его душу вопрос, но те в испуге вырывались, спешно оправдываясь:

– Да не брали мы у вас, месье, ничего! Отпустите!.. – они продолжали вырываться и плаксиво канючить.

Приметив его беспомощность и потерянность, чуть осмелев, цыганята выстроились перед ним, с любопытством изу-

чая месье, стараясь понять, что он от них хочет.

Один из мальчишек, обрадовавшись, что знает Гюго, расплылся в улыбке, показав свои не особо чистые зубы, толкнул в бок соседа, недоуменно хлопавшего глазами, и поспешно воскликнул:

– Мы знаем тебя! Ты писатель!.. – вновь толкнул своего товарища, довольно добавил: – Гюго! Нам Габи рассказала о тебе... – И задорно выпалил: – Она хвалилась, что ты ей дал золотой.

Гюго, с облегчением вздохнув, взволнованно промолвил:

– Я и хочу вас расспросить о ней... – стараясь быть спокойным, начал он: – Где она сейчас?

Оглянувшись, Гюго посмотрел в сторону толпы, но среди снующих туда-сюда девочек-цыганок милой его сердцу не было.

Он обеспокоенно добавил:

– Что-то я не вижу Габи в толпе.

Дети, почуяв интерес месье, решили на этом заработать, запричитав на все лады:

– Месье, дай и нам золотой, тогда скажем!

Гюго доброжелательно протянул им два золотых.

Дети радостно грянули:

– Ёй! Сам Гюго дал нам золотые монеты!

В их глазах светилось счастье, и они доверились Виктору:

– Габи нет в Париже! Она уехала в Трансильванию к своей бабке, та тяжело болеет.

Гюго занервничал, подался вперёд, стараясь скрыть напряжение, и возбуждённо спросил:

– Но она вернётся?

Дети, не понимая странного интереса к их подруге, растерянно пробормотали:

– Не знаем, месье! Она же у нас вольная птица! Нигде не вьёт гнезда.

Затем, словно их озарило, перебивая друг друга, цыганята зашебетали:

– Что, месье влюбился в Габриэлю? Она умеет влюблять в себя.

Не сдерживая улыбок:

– Глаза-то какие, видели?..

В запале, горя желанием рассказать как можно больше, наперебой затарахтели:

– Её бабка колдунья!.. – слышались смешки. – Не страшно?.. – они поедали Гюго взглядом, предостерегая: – Ты, месье, в глаза таким девчонкам никогда не смотри. Омут!

Один из них, что взрослее, убеждённо заявил:

– Она для тебя может стать роковой, зуб даю!

Ни на кого не глядя, мальчишка положил на зуб золотой, прикусил его и добавил:

– Лучше пиши свои стихи и рассказы! Кровь из тебя уйдёт, выпьет она из тебя всю по капельке.

И снова грянул хор попрошаек:

– Из-за таких роковых, как она, и свихнуться можно!

Гюго с тяжёлым вздохом признался:

– Знаю!.. Спасибо вам, ребята!

Он двинулся дальше, неся на плечах свалившуюся свыше тяжесть, на сердце стало нервозно, его бил озноб, неизвестное подавляло и пугало. Он мысленно спросил себя: «Как теперь жить, так и не сумев взглянуть в глаза правде?» Пытаясь найти ответ на вопрос, он оглянулся на собор Парижской Богоматери; тот стоял, безмолвствуя. Гюго посмотрел ввысь: небо огрузло от серых туч, и казалось, что оно сейчас падёт ему на голову.

IV

Корчма

Был полдень. В корчме было многолюдно, Гюго сидел за столиком один, безмолвствуя, изредка оглядываясь по сторонам. Гомон пьяных посетителей не стихал. Мимо прошёл пинцер⁵ в длинном фартуке с подносом в руке, через другую перекинута длинная салфетка.

Гюго тронул его, тот недовольно глянул в ответ:
– Мит окорс?⁶

Гюго, боясь этого незнакомого языка, не вставая из-за стола, попытался знаками показать, чего он хочет. А хотел он сказать, что прибыл из далёкой Франции, разыскивает девушку – цыганку по имени Го-а-би! И показал, как она ему гадала по ладони.

Из кухни за ними наблюдал корчмарь, тотчас сообразивший, о ком идёт речь. Он подошёл к ним и, с помощью мимики и ломанного французского, сказал:

– Месье ищет Го-а-би? – отрицательно покачал головой, – она не здесь! Она на заработках, во Франции. Я её видел неделю назад. Она, её отец и их табор простились с родными местами. – Обведя рукой вокруг, пояснил: – Здесь не на что

---

⁵ Официант (венг.).

⁶ Что хочешь? (Mit akarsz? – венг.)

жить. Голод! Они уехали обратно во Францию.

Гюго сконцентрировался на его словах, пытаясь уловить смысл. Он переспросил:

– Её здесь нет?

Корчмарь, радуясь, что его поняли, обрадованно воскликнул:

– Иген, Уром! ⁷

Гюго встал из-за стола, кинув несколько золотых монет. Жестами попросил корчмаря помочь вынести багаж из его номера на постоялый двор. На улице уже стоял подъехавший к корчме тарантас, который с минуты на минуту отправлялся в Пресбург (Пожонь, Pozsony). Гюго направился к выходу. Корчмарь и пинцер, не понимая чудака, в недоумении провожали его.

Виктор же думал лишь об одном: какая длинная дорога предстоит ему вновь. Надо пересечь горы, чтобы увидеть Габи. Обернувшись на выходе, он бросил с доброжелательностью корчмарю и пинцеру:

– Кё-о-сё-о-нё-ом! ⁸ Багаж доставьте в тарантас, я отправляюсь во Францию!

Корчмарь, кивнув головой, незаметно толкнул пинцера в плечо, и тот молниеносно исчез, сам же хозяин со спокойной душой пошёл на кухню.

В корчме, словно не замечая никого и ничего, пьяные по-

---

⁷ Да, господин! (Igen Uram! – венг.)

⁸ Спасибо! (Köszönet! – венг.)

двадцати метров. Позднее копали конусообразные ямы, или «чёртовы ямы», глубиной до сотен метров. Солекопы опускались в них по верёвочным лестницам, а соль поднимали в больших сетках, сплетённых из верёвок; воду выносили в мешках, изготовленных из кожи буйволов.

Этот способ добычи соли существовал на протяжении всего средневековья и, кажется, не изжил себя и в XIX веке.

Тяжёлый труд солекопов, дополнявшийся жестокостью управляющих и надсмотрщиков, вызывал возмущение и протесты. Здесь постоянно вспыхивали бунты и мятежи. Солекопы вместе с крестьянами Мармарош принимали участие в антиправительственном восстании. Над участниками восстания была учинена жестокая расправа, многих казнили. В Будапеште не любили окраины Венгерского королевства за строптивый характер бунтарей из местных жителей. Положение населения становилось всё тяжелее и бедственнее. За пользование землёй необходимо было платить ренту. Денежные взносы дополнялись натурой: домашней птицей, мёдом, вином, овощами, фруктами. В тяжёлых условиях существовали солекопы, превращённые в настоящих каторжан, которым запрещалось свободно без разрешения покидать шахты и бараки. Это привело к тому, что солекопы втайне от местных властей и управляющего вместе с семьями бежали на заработки, что сказалося на добыче соли. Торможение работы, в свою очередь, привело к резкому сокращению доходов казны. Представители королевской власти были вынуждены

пойти на переговоры с солекопами и удовлетворить их экономические требования. Только после этого работы возобновились, но солекопов продолжали держать в повиновении за гроши. Борьба крестьян и солекопов была постоянной, периодически из ремиссии переходила в рецидив, выливаясь в военные восстания.

В последней четверти XVIII века здесь началось строительство подземных шахт. Местные крестьяне и солекопы при строительстве от изнурённой работы погибали на рабочих местах. На их места приходили каторжники и вольнонаёмные, прятавшиеся кто от русского царя, кто от венгерской королевской власти. Соль пользовалась большим спросом в странах центральной Европы. Обычно соль сплавляли по Тисе на плотах. Доставлять груз по стремительной реке было очень опасно. Обычно один транспорт состоял из 80–100 человек и имел до 30 плотов. Завербованные плотогоны считались королевскими служащими, проводили в пути на плотах по несколько месяцев, и на ведение своего хозяйства у них не оставалось времени. Склады мармарошской соли имелись по течению Тисы в Вилоке, Таркани, Токае, Сольноке. Дальше соль перевозили гужевым транспортом.

Условия труда солекопов и в дальнейшем оставались исключительно тяжёлыми и опасными. Рабочий день продолжался 10–14 часов. Мизерной была заработная плата; квалифицированный солекоп в шахте зарабатывал в день копейки. Люди, не имея за душой лишней монеты, старались прини-

мать жизнь вокруг красивее и добрее. Добыча и торговля солью были единственным доходом для солекопов и их семей. При серости и промозглости окружающего мира их внутренний мир расширялся, наполняясь красками, становился богаче – местность вокруг была так любвеобильна.

Венгерская земля была покрыта лесистыми горами и быстрыми реками, тонущими в садах и виноградниках, и на этом фоне – многочисленные крепости и лачуги. Ментальность горцев, их трудолюбие раскрывали любовь к жизни, что отражалось в их танцах и песнях.

Из корчмы доносился фольклорный распев задушевной песни. Гюго всей грудью впитывал свежесть горного воздуха, оглядывался вокруг, желая запечатлеть и увести с собой частичку родины своей Габи, чтобы глубже проникнуться её любовью к самому ценному для цыганки – родному и близкому, а для себя в очередной раз понять: кто она?

Багаж уже лежал в тарантасе. Гюго, в очередной раз поблагодарив пинцера и корчмаря, стоящих рядом в ожидании, сказал:

– Кё-о-сё-о-нё-ом! Вислат! ⁹

Тарантас тронулся, оставив после себя клубы пыли. Предстояла длинная дорога, перевалы Мункач – Унгвар ¹⁰, Кросно – Краков – Варшава. Видимо, это его, Гюго, испытание – проделать долгий путь, чтобы попасть в далёкую Францию.

---

⁹ Спасибо! Пока! (Köszönm! Viszlat! – венг.)

¹⁰ Мукачево – Ужгород (Munkács – Ungvár – венг.).

И там найти свою Габри.

V

Франция. Дом терпимости

Вечер. Гюго ищет вдохновения, но строка не ложится. В доме всё покрылось пылью. В конце концов тоска выгнала его к мадам Розетт, в дом под красным фонарём – в самый отдалённый глухой квартал Парижа. Дом толерантности «la maison de tolerance» был привязан к слову «терпимость». Хотя предполагалось, что в этом доме не угнетали молоденьких девушек, а пользовались за деньги их расположением и услугами, что отвлекают мужчину от одиночества; но это лишь одна из сторон медали – та, что видна, скажем, на первый взгляд и поверхностна.

Внутренний устав и уклад жизни публичного дома, или, в обиходе, дома терпимости, был жесток и суров для многих девушек. Хотя на первый взгляд здесь всё выглядело культурно, чисто и толерантно.

В домах толерантности были столовая, гостиная, где присутствующие беседовали раскованно и непринуждённо. Милые девушки для коротких сеансов с мужчинами уединялись в многочисленных комнатах. Естественно, подобные дома отличались особым домашним бытом, уютом, зачастую даже и роскошью. Это объяснялось многим, в первую очередь тем, что здесь не только работали, но и жили. Радужные деву-

шек, их опрятность и лоск были тем стимулом, который манил сюда мужчин. Они слетались на красный фонарь, словно мухи на мёд. Их количество отражалось на содержимом кошелька хозяйки.

Хороший тон в домах считался излюбленным коньком. Мадам – в лице хозяйки дома – с профессиональной хваткой предложила частому гостю новенькую девушку, неустанно нахваливая её, буквально как товар на распродаже:

– Молоденькая! Красотка!

Раскрывая все козыри подопечной, поспешила добавить, что девушка такая, каких ещё недавно, помнится, он, Гюго, любил и жаловал, одаривал мужским вниманием, смущая их своим обхождением. Они были не искушены взрослыми играми, по скудности общения не владели всеми тонкостями.

В доме была текучка. Девушки периодически исчезали. Мадам Розетт от вспышки сентиментальности вдруг замолкла, ушла в себя, погрузившись в мысли о чрезмерной заботе и внимании к бедняжкам, к «милым и пушистым козочкам», как она их называла.

На неё нахлынула волна воспоминаний – о том, как она принимала их слёзы стыда, вкрадчиво, по-матерински нащёптывая:

– Умоляю! Будьте милы с этим месье! Он очень известный человек во Франции, не опозорьте мой дом в его глазах! А я уж вам подскажу маленький приём из женских штучек. Не принимайте позу падшей, даже если он того пожелает. Ли-

цом! Только лицом к нему поворачивайтесь. Он не насильник! Сразу поймёт, что перед ним не та, что его измучила и терзает его душу, а совсем другая! – прося снисхождения к Виктору, она поверяла им его тайну: – Мученик! Он хочет призреть всех женщин за одну, непутёвую. Безнадёжно влюбился, мается по ней... Как кобель по суке. – Затем принималась заверять: – Поверьте! Он не желает вам зла! Да и... В общем-то, вам и мне отлично платит за все ваши выкрутасы. Не рыдайте, а наслаждайтесь! По возможности – избегайте общения. – Если девушки продолжали рыдать, она, вмиг очерстев, сухо бросала: – Смойте сопли под краном и будьте ласковыми с месье! Тогда он одарит золотым. Не забывайте, у нас дом толерантности, а значит – надо проявлять внимание и уважение к клиенту. За деньги – любой каприз! За терпение и воздастся! Ваша жизнь не будет казаться страшной, если вы перестанете капризничать.

Девушки, сгорая от стыда, убегали к себе в комнаты и там шептались о нём. О Гюго! О мужчине, который виртуозно брал их достоинство. При этом ни одна не призналась вслух, что он им нравится. Он был красивый, статный, сильный. Ну и пусть заставлял их делать то, в чём стыдно признаться. Любая женщина этого желала бы, даже бесплатно.

VI

Комната девушек

Комната узкая, три кровати, стоящие у окна буквой П. Свет приглушён, отблеск от яркой луны и белые вязаные шторы наполняли каменный мешок кристальной чистотой. В комнате находились три девушки. Изабелла, Нора и Габриэлла. Сидя каждая на своих кроватях, прикрывшись пеньюарами с рюшами, они заговорщицки обсуждали приход месяце, о котором ходило столько сплетен. Уже как месяц, если не более. Его имя не произносилось вслух.

За разглашение имён клиентов хозяйка, мадам Розетт, била своих подопечных мокрой плетью, сажала в сарай к псу, который мог сделать их калеками или напасть на них, как на дворовых сук. Мадам Розетт не раз приводила туда клиентов в подпитии, разумеется, за звонкие золотые. Они изъявляли желание посмотреть на такие страсти, моментально протрезвев от увиденного. Многие выбегали из сарая опрометью, сгорая со стыда. От всего увиденного блевали фонтаном, загаживая рвотой всё вокруг.

В дверь постучали. Девушки невольно замерли, их глаза загорелись от страха. В голове каждой мелькнул вопрос: кто будет первой? В комнату вошла мадам Розетт в лёгком ве-

чернем пеньюаре со свечой в руке. Она ласково, по-матерински вкрадчиво обратилась к новенькой, Габриэлле:

– Ластонька моя!

Габи сжалась от нехорошего предчувствия. Мадам, не замечая этого или делая вид, продолжила:

– Тебе повезло! Пришёл месье, который как никто понимает все тонкости души молоденьких девушек. Он может показаться немного груб... – Закатив глаза от предвкушения, вслух сказала: – Я бы и сама с ним легла в постель. Скажу по секрету, таю от него, – лицо её озарилось улыбкой, – от его шаловливых рук... – передёрнув плечами, призналась: – озноб пробегает, сердце ёкает... – Посмотрев на Габи, добавила: – Он знает, как надо любить нас, женщин.

Иди смелей и отдайся ему с лёгким сердцем, стоит того! Он бесподобен! Староват немного для тебя, но... Молод для меня. Не реагирует на мои прелести, даже если я хожу перед ним в нижних подвязках. – Хмыкнув, выпалила: – Он мне как-то намекнул, что я старая говядина! Но я не из обидчивых дам. – И уже более настойчиво буркнула: – Иди! Он ждёт! Аванс положу тебе в комод.

Она отступила чуть в сторону, открыла ящик комода, положила деньги. Обернувшись к Габи, произнесла:

– Иди же, девчонка, отрабатывай! А утром... Не забудь положить мне золотой! А если он будет одаривать? – подмигнув. – Тоже отдашь мне, на ваше содержание! – вздохнув и изображая сердобольность на своём увядшем лице, направ-

ляясь к двери, добавила: – Так что иди! Будь ласкова с ним, да более чем нежна в обхождении!

Габриэлла, поднявшись с кровати, покорно пошла к двери, не проронив ни слова. Она понимала, что одна в этом чудном городе. Буквально на днях их кибитку подожгли, когда все её родственники мирно спали. По чистой случайности она осталась жива – ходила на реку разговаривать с луной, от которой черпала энергию и силу.

VII

Комната гостей

Комната по прихоти клиента была погружена в непроницаемую темень, чтобы падшая девка не смогла разглядеть его лица.

Гость был далеко не мальчик; дряхлеющая кожа пугала и его самого, хотя ему не было и тридцати.

А так хотелось быть молодым! И именно сейчас – как никогда раньше. Но, увы, время безжалостно бежало вперёд, оставив позади детство и юность.

Габриэлла вошла в ажурной тунике и в шёлковых чулках, которые держались на её красивых стройных ногах на неимоверно изящных подвязках. Длинные волосы были распущены. Они волнами спускались ниже копчика.

Гюго подошёл к ней, привлёк к себе и начал поспешно раздевать. От неё пахло мылом с ароматом сирени. От такого душистого запаха тела он, как истинный ценитель женщин, пришёл в дикий экстаз. Тут же сорвал с неё бельё; последними упали на пол подвязки для груди и чулки, потерявшие свой манящий привлекательный вид, став рваным шёлком. Она стояла, словно дитя пред Господом – чистая, непорочная, при том, что вчера у неё был сеанс с одним из гостей, толстым банкиром. Правда, девственность, как ни странно,

осталась при ней.

Как рассказывала мадам Розетт, банкир онемел от наготы Габи. Не тронув девушку, вышел из комнаты через десять минут. Он был ошарашен! Качая головой, изумлённо твердил:

– Она непорочная! Дева Мария!

Шокированный банкир признался, что не смог прикоснуться к девушке. Не прощаясь с мадам, кинув золотой, он опрометью выбежал из обители.

Он как безумный бежал к своей карете, что стояла, как всегда, на своём месте, за углом, вдали от фонарного столба, во всеуслышание крича:

– Божественное дитя!

Мадам Розетт, стоя в парадной, поражалась его внезапному безумию, безотрывно наблюдая за ним сквозь смотровое окно. Банкир как очумелый, добежав до своей кареты, запрыгнул в неё, не успев отдышаться, и покинул это место, оставив в недопонимании мадам Розетт. Она, передёрнув плечами, покрутила пальцем у виска, решив, что у старичка толстосума ум за разум зашёл.

Габриэлла стояла, словно мраморное изваяние. Холодная и безразличная. Гюго насильно привлёк её к себе. Запах волос, промытых в полыни, дурманил. Он брал девушку неистово. Будто чувствовал в ней свою Габи. Она же безмолвно лежала пред ним, как оголённый нерв, обращённая к нему лицом. Экстаз Гюго был блаженством и покоем: он

верил, что взял не простую девку, а Габи.

Уже светало. Он подошёл к окну, раздвинул занавеси, хотя раньше никогда этого не делал. Ему очень хотелось посмотреть на спящее дитя. Он уже отметил, что возраст девушки такой же, как и у Габи. Волосы? Запах тот же. Он, приглядываясь, тихо подошёл к спящей девушке. В желудке пугающе свербело. Вдруг он отпрянул назад. О небо! Она! Его Габи. Он не понимал происходящего. В голове пульсировал немой вопрос: «Что она здесь делает?» Он присел на край кровати рядом с ней и расплакался, скорее всего, от счастья.

Утро наступило, принесся перемены. Габи лежала с Гюго в одной постели, и это совсем не пугало. Она видела перед собой того, кому назначила встречу в её и его будущем. Она не солгала, когда предсказывала ему у собора Парижской Богоматери. Всё сказанное – правда! А он не хотел ей верить!

Она, счастливая в своей правоте, прошептала:

– Ну что, месье! Я оказалась права!.. – рассматривая его, – а ты не слушал меня, смеялся над Га-би... – въедаясь взглядом, – встретились же! – Она продолжила гордо, с достоинством: – И я рада, что вы меня нашли, свою судьбу! – Затем с улыбкой добавила: – От судьбы не убежишь! Так у нас, цыган, говорят. Так что... Теперь верь мне, месье! Я не обманываю!

Гюго ласково смотрел на свою крошку, на свою Габи, разглаживая рукой пряди волос, что укрывали её грудь, улыба-

ясь уголками губ, произнёс:

– Теперь точно буду слушаться! Паду рабом к твоим ногам, мой ангел... – не в силах сдержать любопытство, сочтавшееся со страхом, спросил: – Что привело тебя сюда? Как ты здесь очутилась?

Габи рассказала, что её родня сгорела в кибитке, в конце горько разрыдавшись. Гюго обнял её, с заботой произнёс:

– Не печалься, дитя! Теперь ты будешь под моей опекой. Я выкуплю тебя у мадам Розетт. Хотя она и скряга, думаю, продаст за 20 золотых... – Заверяя: – Слава Богу! Не беден! Вчера получил гонорар.

У Габриэлы по-детски загорелись глаза, ведь ей было всего 15 лет. Она была счастлива. Дом терпимости – место не для неё. Ей пуше воздуха нужна свобода!

VIII

Комната мадам Розетт

Мадам Розетт сидела перед зеркалом, с особым вниманием всматриваясь в своё стареющее лицо: ей вот-вот стукнет 38 лет. А ведь когда-то она блистала в кругу куртизанок, была мила, сексапильна и весела. Вздохнув, обведя пустым взглядом будуар, она ощутила дискомфорт – ей было скучно, тоскливо, одиноко и страшно, она терялась перед своим будущим, в котором уже предстанет немолодой потасканной мадам.

Бросив взгляд на дверь, она онемела от мысли. От мысли о том, что Гюго до сих пор не вернулся от новенькой. Как бы не вышло курьёза! Она понимала, что эта девушка – необкатанная дикарка. Может и покусать! Мадам невольно вспомнила банкира, который вылетел от неё, словно загипнотизированный. Не дай Бог, она что-то сделает и с Гюго! Тогда уж точно худая слава пойдёт о её доме по всему Парижу!

Она схватила со столика трубку, в очередной раз вяло улыбнувшись своему отражению, закурила, пуская затяжные клубы дыма. Мадам нервничала.

Вдруг в комнату постучали. Она вздрогнула, но, взяв себя в руки, строго произнесла:

– Кто мне надоедает с утра? В ночи приходите, я не при-

нимаю!

Стук повторился. Она открыла – в дверях с сияющим видом стоял Гюго, за его спиной маячила, сжавшись, бледная как полотно Габриэлла. Он рывком вывел её вперёд и без промедления заявил:

– Мадам! Рад видеть вас при здравии и при прелестях!

Мадам Розетт, тут же чуть распахнула пеньюар, демонстрируя сквозь неприлично прозрачную сорочку всю себя в утреннем откровении. Её грудь была большая, немного обвисшая, но всё равно притягивала мужской глаз. Она будто старалась прикрыть её кистью руки, но делала это так нежно и замедленно, массируя соски и невинно глядя на Гюго, что глаза его безотрывно следили за её манипуляциями. Лесть и взгляд гостя ей очень понравились. Распахнув дверь шире, она впустила непрошенных гостей в комнату. Взбив рыжую шевелюру на голове, мадам начала кокетничать с тем, перед которым желала бы пасть. В надежде зацепить его внимание строго произнесла:

– Месье! У вас что, к этой девке есть претензии? – кивнула она головой в сторону Габи. Оценивая её с головы до ног, с ухмылкой бросила: – Если ничего не произошло... Сами понимаете, что я имею в виду... – глядя на мужчину в упор и с некоторым ехидством: – Если что? То я в этом деле уж точно не крайняя. Вины на мне нет. Вам что, тоже не под силу обкатать эту девку? Не справились с лошадкой?.. – Затем, удивившись своей мысли, боясь разочароваться в Гюго,

связа́вила: – Может, вы, как и банкир, импотент?

Она со злостью смотрела на него и Габи, с упоением вы-
давливая яд, которым была отравлена с недавних пор. Через
секунду бросила с желчью:

– Тогда вам нужно к старушке Розетт! – испепеляя его
взглядом, – раз уж вы запали на мои прелести при дневном
свете, а их... – с сарказмом, – давно не ценили такие мужчи-
ны, как стоящий сейчас передо мной.

Взяв себя в руки, мадам, строго посмотрев Гюго в глаза,
спросила:

– Так в чём же дело, месье?

Гюго, стараясь удержаться от резких слов, посмотрел ей
прямо в глаза:

– Мамочка!.. – улыбнулся уголками губ. – Мадам!.. –
вскользь окинул её взглядом, произнёс: – Прелести все при
вас, скажем честно – хороши, – хмыкнул, – не увяли ещё,
быть может, есть, на что глаз кинуть! Но я... Как не им-
потент... – Гюго выдержал колкий взгляд мадам, твёрдо за-
явил: – Хочу взять к себе на воспитание вот эту девку! Буду
ей отцом! – И, шутя, добавил: – Сказки ей на ночь читать бу-
ду, скучно мне по ночам!.. – поедая взглядом женские пре-
лести.

Мадам Розетт, смутившись, прикрылась полой пеньюара,
покраснев до корней рыжих волос, и отвела взгляд. Этот
мужчина явно её пугал.

Гюго продолжил:

– Вдохновение меня покинуло!

Мадам, пытаюсь вставить острое словечко, с ехидством выпалила:

– Да уж так и покинуло? – ёрничая, – никак свои дети надоели? – Входя в кураж: – А что, жена с вами уже не спит?

Она довольно стрельнула глазами в сторону смущённой Габи. Продолжая издеваться над Гюго, со смехом подытожила:

– Значит, не я одна старею. – Трагически закатив глаза, она наигранно произнесла: – Господи, куда уходит молодость?

Гюго, посмотрев на неё пронзительным взглядом, парировал:

– Да уж! Одиночество не подсказывает сюжет. – Тут же загорелся, как свеча, от посетившей мысли, возбуждённо произнёс: – Возьму её как музу, заплачу!

У мадам Розетт жадно загорелись глаза; она, что-то мысленно посчитав, резко отчеканила:

– 50 золотых!

Гюго цена шокировала. Он с усмешкой выпалил:

– За вот эту? – недоумевая. – Не много ли?

Габи, нервничая и злясь, пыталась выдернуть свою руку из руки Гюго, но тот держал её мёртвой хваткой.

Мадам Розетт, наблюдая за реакцией парочки, произнесла:

– В самый раз!..

Гюго, уже серьёзно, без внутреннего напряжения, сказал: – 20, мадам! И разбежались! Она слишком холодна в постели, не лечит, а калечит мужика. – С кривой усмешкой продолжил: – Французского поцелуя не понимает! Прокую от неё никакого! Бревно необтёсанное! Шлифовать и шлифовать придётся! – Бросая вскользь: – Как по мне, так для писательских трудов – очень даже ценный материал.

Он решительно посмотрел в глаза мадам. Она явно анализировала предложение, обдумывая выгоду. По лёгкому подёргиванию её век Гюго отметил, что наверняка в памяти женщины всплыл недавний казус с банкиром.

Наконец она произнесла:

– Ладно, берите, пока я добрая!

Гюго отдал золотые монеты, после чего они с Габи вышли из комнаты.

В течение получаса мадам Розетт неподвижно стояла у окна, провожая взглядом Гюго с его девкой, не понимая, что он в ней нашёл. На её взгляд, Габи была обычной пигалицей.

Она ещё долго не могла свыкнуться с выбором её почётно-го гостя. Мысли не давали покоя. Мадам очнулась, когда кареты и след простыл. Сердце Розетт стучало как никогда. Душа кричала, что она никто. За 20 золотых у неё отняли Гюго. Мечты больше нет... Её раздражала несправедливость, ведь для Габи дом терпимости остался в прошлом.

IX

Встреча с прошлым

Минуло несколько десятилетий. Гюго шаг за шагом поэтапно вспоминал своё прошлое. Казалось, что всё происходило вчера. 1829–1830 годы. Именно в это время он искал ответ. И, найдя его, смело признавался самому себе: ошибка, малодушие, трусость. Страх перед неопределённостью в будущем тогда буквально всем пугал его, молодого успешного поэта, писателя, мужчину. Потерять всё... И ради чего?..

Перед ним сегодняшним, уже давно не молодым женщиной, будущего как такового нет. Он одинок, наслаждался всем, чем мог, за свою жизнь... Сейчас если и сохраняется любовь, то к напитку Богов.

На столе, среди кучи бумаг, чернил и гусяного пера, стояла бутылка бургундского вина, наполовину выпитая, пустой стакан и свеча, талая до огарка, такая одинокая на этом фоне. Вот и все его друзья на этот вечер, такой же, как и предыдущие. Мир стал узок и неуютен.

Сидя в кресле, он безнадежно оглядывал свои апартаменты, но, не найдя в них ничего, что смогло бы разбудить его уснувшую душу, со вздохом взял перо, обмакнул его в чернилах, подтянул к себе белый лист бумаги, как прилежный писарь, и с вожделением попытался написать. Гюго и вправ-

ду силится писать ровно, но, будучи в подавленном состоянии, не мог ничего делать правильно или адекватно.

Силы его иссякали; он, сосредоточившись, вывел коряво: «ГАБИ». Написав её имя, Гюго заплакал; он рыдал горькими слезами, утопая в них, как и в своём одиночестве, вновь и вновь, вспоминая ушедшие дни. Сознавая, как это было давно... Но всё-таки – было. Он торопливо сгрёб в одну кучу все бумаги, со злостью скинул их со стола. В глаза бросилась записная книжка с закладкой; Виктор потянулся к ней, открыл, начал читать вслух – в который раз в своей жизни:

– 3 октября 1858 года. Дом – твой, тебя оставят в нём одного. Подпись: В. Гюго.

Он стал дрожащими руками рвать записную книжку, безжалостно разбрасывая клочки по сторонам.

Гюго был полностью опустошён; он обессилено обхватил голову двумя руками, мыча от боли, силится вытащить из глубин души причину, ключ ко всему. Казалось, его мычанием наполнилась вся комната, оно превратилось сгусток негатива. Вдруг Виктор словно очнулся, увидев вдали у окна светлый силуэт ангела, напоминающий его любимую.

Гюго смотрел безотрывно, по щекам катились горькие слёзы, он шептал лишь одно слово: «ГАБИ».

Х

Съёмная квартира в Париже

Габи с распущенными волосами в лёгком домашнем платье стояла у окна, любуясь солнечными лучами, подставляя им своё лицо; за окном был тёплый летний день.

Уютную комнату наполнял свет, дверь в другую комнату была открыта, позволяя заглянуть и увидеть, как там, сидя за письменным столом, что стоит в центре, ближе к окну, работает одетый в домашний халат сам месье Гюго. Он что-то быстро записывал пером, всё чаще и чаще окуная его в чернильницу. В комнату постучали. Испуганная Габи, будучи в положении, подошла к двери во вторую комнату. Гюго вышел из-за стола, тихими шагами направился к двери. У обоих пронеслось в голове одно: «Кто это может быть?»

Габи спряталась за раздвинутую ширму, затаив дыхание. Гюго спокойно подошёл к двери, повернул ключ в замке, приоткрыл её, посмотрел на гостя. В дверь ввалился нахрапистый блондин, молодой человек лет 25.

Гость, оставив у двери трость, прошёл вперёд, оглядывая мутным взором комнату, полупьяно задержав взгляд на Гюго, сообщил:

– Виктор! А я к тебе в гости! – панибратски полез обниматься он, улыбаясь. – Не ждал?

Гюго растерялся, будто его в чём-то уличили; он обеспокоенно посмотрел на гостя. Первое желание его было взять и выкинуть пришедшего за дверь, как блудного пса, но он сдержался, зло сверкнув глазами. Гость моментально всё понял, поэтому решил перейти к экспромту, придумав невинный предлог своему приходу, сбалагурил:

– Мне твой слуга намекнул за золотой, где можно тебя, мой милый друг, найти. Не обессудь! Принимай гостя в объятья! – и вновь полез обниматься, готовый расцеловать Гюго. Но тот его оттолкнул.

Блондин обиженно, переходя на фальцет, крикнул:

– Ах ты, стареющий мальчишка! – укоряюще-шутя потряс указательным пальцем, – проказник! – прищурившись, – всё по девочкам ходок! – Продолжая изображать из себя обиженного, он нараспев спросил: – Виктор, вы меня уже разлюбили? – впиваясь в него взглядом. – Как мне это понимать, совсем и навсегда? – Паясничая: – Ах! Ах!

Он приложил руку ко лбу, изображая расстройство, но тут же убрал её, ревниво глядя на Гюго, и с сарказмом выдавил:

– Или на троих играешь? – испепеляя его взглядом. – Где же твоя новая пассия? – оглянувшись, выкрикнул: – Я хоть посмотрю! На кого ты меня, мой великий писака, променял? – с прищуром, отчего у Гюго внутри пробежал холодок, въедливо произнёс: – Признайся как другу, где она? – не унимался он. – Чтобы я не устроил здесь кавардак, не доводи меня до безумия!

Габи, став свидетельницей пафосного монолога, устав от трескотни скорее женщины, нежели мужчины, не выдержала уединения, смело выступив из-за ширмы.

Изумлённый мужчина, осмотрев её с головы до ног, произнёс:

– Ух ты! Пardon, мадам!

Он неопределённо развёл руками, отпустив очередную колкость в адрес друга:

– Гюго! Да ты у нас влюбился по уши! – он не сразу пришёл в себя от потрясения.

Ещё раз посмотрев на Габриэлла, он, не сдерживая эмоций, с ехидством выпалил:

– Какие формы! – и затем язвительно: – Извращенец!

Гость, сражённый наповал догадкой, взмахнул руками, словно курица, что несёт яйца при нежелательных свидетелях, долго оправлялся от своей мысли, потом схватился за лоб и ошеломлённо произнёс:

– Подожди, подожди! Дай мне подумать! Так-так-так! Ты что?.. Может, отцом хочешь стать без свидетелей?

Он, взяв Гюго под руку, отвёл в сторону и зло процедил сквозь зубы:

– Да ты в своём уме? Она же цыганка! Сдурел? – сверкая глазами, продолжил, – да за такие дела! Тебя общество... И наше, и ваше сожрёт с потрохами! – Переходя к наставлениям: – Ну пошалил бы, и всё! – Добавил шёпотом: – Умыл бы, как говорится, руки! Не впервой! Девчонка ведь!.. – он

оглянулся на Габи. – Понимаю тебя. Смазливая! – презрительно: – Её породе задрать подол за золотой ничего не стоит! – и вкрадчиво добавил: – Одумайся! Рви концы!

Гюго с болью смотрел на Габи, с трудом терпел нравоучения друга, затем с мягкой улыбкой, но язвительно сказал:

– Андре! Не тебе судить меня, пошляк! Она не цыганка! Венгерка из Трансильвании!

Виктор распался, презрительно взглянул на друга и уничтожающе произнёс:

– Возьми себя в руки! Ведёшь себя как ревнивая баба! – сжигая взглядом. – Улыбнись даме! А то забуду телесную и духовную близость с тобой!

Андре, впад в оцепенение, глядел на Гюго, подыскивая подходящие слова, перевёл взгляд на Габи, с нежностью, скорее от жалости к ней, сказал:

– Дитя! Как мне вас звать?

Габриэлла с дерзостью выпалила:

– Габи!

Андре констатировал:

– Габи? Странное имя для цыганки.

Та, глядя на него в упор, с гордостью парировала:

– Я не цыганка! Я венгерка! И зовут меня Го-а-би!

Тот, явно заинтригованный, продолжал допытываться:

– И как же вас, милочка, занесло из Трансильвании в Париж?

Габи, откинув голову, нагло заявила:

– Замуж захотелось выйти! Вот – за него!

Она кивнула головой в сторону Гюго, который молча стоял с усмешкой на лице, что придало ей уверенности. Глядя на Андре с вызовом, зло добавила:

– Во сне будущее видела, как тебя сейчас... – испепеляя взглядом, вновь кивнула в сторону Гюго, – вот с ним у меня встреча была! Ой, как понравился месье!

Габи, довольно поцокав языком, покачала головой, сверкнула глазами, пронзив Андре ледяным взглядом. Не переставая ёрничать, сказала:

– Позвал! Я и приехала! На зов его души.

Андре, поражённый её наглостью, повернулся к Гюго, ошарашено произнёс:

– Что-то мне не совсем понятно то, что она говорит. Объясни хотя бы ты! Чтобы я перестал чувствовать себя идиотом.

Гюго по-приятельски хлопнул друга по плечу, с усмешкой парировал:

– Судьба, братец! – расплываясь в улыбке. – Месье! Вам не понять такое чувство, как любовь! Кроме похоти, вы в своей жизни ничего не ощущали. – Он резко стал серьёзным. – Судьба свела нас с Габи! Мы познакомились, расстались и нашлись вновь.

Он ласково посмотрел на Габриэллу, светившуюся от счастья при его словах.

Не скрывая своих нежных чувств к девушке, Гюго поста-

рался всё объяснить ошеломлённому другу:

– И я счастлив с этой сопливой девчонкой, с моей единственной дамой сердца... – он поднял указательный палец, подытожив: – вдвойне оттого, что буду отцом! – Его переполняли эмоции: – Надо умереть, чтобы воскреснуть!.. Я же умирал не раз и не два, и ты тому, мой друг, был свидетелем. – В запале: – Искал свою любовь! И не мог найти. И вот!..

Виктор ласково смотрел на Габи, любуясь и мысленно благословляя свою ненаглядную.

– Благодаря этому черноокому ангелу! Я воскрес! И живу, купаюсь в лучах счастья! Теперь я не просто самец, но влюблённый, любящий мужчина! – посмотрев на друга, – понятно, Андре?

Тот, скрывая нарастающую зависть, с сарказмом изрёк:

– Да уж! Вижу, ты как мотылёк над зажжённой свечой – крылья распушил... – процедил он сквозь зубы, – не жарковато? Не опалите крылышки, Дон Жуан!

Андре вдруг перестал сдерживать эмоции и в истерике закричал:

– Сколько раз! Сколько раз ты божишься мне в любви?! – Кривляясь и передразнивая друга: – Видите ли, он влюбился! – с ухмылкой добавил: – скоро твоя голова начнёт лысеть... Зубы вот-вот сгниют, как у старого скакуна.

Он резко умолк, сообразив, что сказал лишнее. Продолжил чуть спокойнее:

– Вытри пот под крыльями. Сдурел совсем! – резко развернулся, напоследок испепелив Гюго взглядом, добавил: – всё! Я ухожу! Наши с тобой отношения закончились, здесь и сейчас. – И продолжил брюзжание: – Ты меня при этой, – кивнув в сторону Габи, – при ней в грязь втоптал... – С сарказмом: – Было бы перед кем! – ядовито: – Перед простой девкой, цыганкой!

Андре злобно посмотрел на Габи и отчаянно крикнул:

– Она ведьма! Околдовала тебя! – Уже спокойнее сказал: – Сходи, исповедуйся! И гони эту девку прочь! Знаем мы таких! – добавил он.

Не оглядываясь, Андре направился к двери; схватив свою трость, в дверях повернулся, пристально оглядел стоящую в молчании парочку и зло, скорее обращаясь к Габи, сказал:

– Деточка, между прочим, Гюго – горький пьяница! Как напьётся, так бьёт... – с вымученной улыбкой, – ой, не любя и чем попало, больно, учти. Проверено мной!

Габи крикнула в ответ:

– Идите уже, месье! Я его изучила, как пса. Ест с моей руки и носом не крутит, поверьте, всё принимает с благодарностью! Идите, месье! А то ведь прикажу ему выгнать вас, всего-то и надо сказать одно словечко – фас!

Андре оторопел от её слов. Гюго со смехом посоветовал:

– Андре, катись-ка ты отсюда! Под три чёрта! А целомудрие твоё меня удивляет... – продолжая смеяться, он съязвил, – оказывается, я и впрямь спал с настоящей бабой!.. –

покатываясь от смеха. – Прости, только теперь понял, по утрам просыпаясь счастливым рядом с Габи, а не с тобой. Б-р! – он сделал брезгливую гримасу, не щадя своего друга: – Ты мякиш! Ни то ни сё! Подстилка для пьяницы! За то, что бил, за мою неудовлетворённость – извиняюсь, прости! Я редко бываю так груб, только если с подстилками, падшими девками – шлюхами. С теми, кто непристойно свой зад мне подставляют!

При этих словах Андре пулей вылетел из квартиры, дверь за ним с грохотом захлопнулась. Габи с Гюго вовсю хохотали. Гюго приоткрыл дверь, выглянул, прислушиваясь к убегающим вниз по лестнице шагам, – до него доносились бормотания нежданного гостя.

Андре безумно выкрикивал:

– Ах ты прохиндей! Сучок с пенька! – он не скупясь посылал проклятия в адрес Гюго и Габи, – запомните мои слова! Скоро рыдать будете крокодильими слезами!

На миг шаги утихли, Андре во всё горло прокричал:

– Я ещё отыграю партию! – неистово: – Судьба! – он стучал со всей силы по перилам. – Цыганка! Басурманка клятая! Девка падшая! – в отчаянии перешёл на фальцет: – Возомнил из себя Шекспира! – с пеной у рта: – Писака! – задыхаясь от ненависти: – Я его ещё расхваливал перед всеми... – и обессиленно: – Демон в обличье человека! И стихи, и эссе – чушь!

Стоя на площадке второго этажа, он что есть мочи вы-

крикнул:

– Бред сивой кобылы! Извращенец!.. – угрожая: – Я сорву с тебя маску! Всех на уши поставлю! – плача, задыхаясь от гнева и обращаясь к самому себе: – Но почему я его так любил? – всхлипывая и злясь. – Ещё хотел быть в его бесстыдных глазах героем-любовником.

Он помчался вниз по лестнице, на бегу размазывая слёзы и бормоча:

– Ангел! – сплёвывая. – Она и ангел?! – негодуя: – А я?! Я в его глазах уже падший ангел?

XI

Таверна «Le Procure». Париж

Улочки Парижа. Блеск и нищета. Они напичканы бедными, если не сказать – убогими кварталами. На их фоне масштабно контрастировала роскошь. Видимо, чтобы помочь понять, полюбить или отвергнуть дух Франции, страна открывала нескончаемую череду тайн Парижа, выпячивая стороннему взгляду свои достоинства – соборы, галереи, таверны. Последние преимущественно открывали выходцы из Италии. Их пошлый весёлый нрав разряжал строгую атмосферу города.

Ментальность французов сводится к решению всех проблем на ходу или, в лучшем случае, за чашечкой кофе, сидя в одной из таверн. За столиками решались проблемы, даже больше – судьбы художников, поэтов, политиков, обычных мужчин, женщин и их детей. Проблемы обсуждались вслух бурно, а иногда – тихим шёпотом, особенно тихо говорилось о детях. Ведь желание или нежелание появления их на белый свет было таинством. Именно там, в тавернах, как нигде царил магия и мистика; парижане – любители узнать свою судьбу наперёд – сгорали от желания дерзнуть, сыграть с судьбой, погадать на кофейной гуще и лишний раз задуматься: а стоит ли вообще сопротивляться, меняя жизнь. Так

подчас думали семьянины, не решаясь что-либо менять в жизни.

Как только до них доносился запах горячего кофе и аромат свежей булочки, традиционных на завтрак в семьях горожан, они отключались, не напрягая заботами свой мозг. Холостяки сидели по утрам в таверне, смакуя кофе, но не всегда познавая вкус булочек. Сюда они, как бобыли, приходили с раннего утра, не гнушались пригубить пиво и вино, впадали в уныние в поиске собутыльника или случайного собеседника, чтобы открыть душу. И такие посиделки могли затянуться надолго; расходились обычно затемно.

Так бывало здесь, в одной из таверн Le PROCOPÉ, основанной в конце XVII века итальянцем Прокопио, приехавшим покорить Париж своей кухней и осевшим на улочке de L Ancienne Comedi, 13. Среди завсегдатаев с раннего утра можно было встретить прогрессивную молодёжь, как, впрочем, и зрелых, уже состоявшихся людей, романтиков, в частности – из кружка «Сенакль». Таких, как Шарль Сент-Бёв, Мюссе, Мериме, Дюма и многих начинающих на писательском поприще.

Вот и сейчас они, сидя за столом и балагурия, смеялись над очередными шутками Дюма, при этом с аппетитом уминали цыпленка в вине, запивая старым добрым бургундским, отчего им становилось ещё веселее. Смех становился раскатистым, а слово по-мужски крепким.

В таверну влетел Андре; он спешно рассматривал сквозь

смог из кухни, закрывающий всё вокруг пеленой, посетителей; они были едва различимы, особенно сидящие за дальним столом. Может быть, именно поэтому там, на галёрке, так рьяно обсуждали власть, без боязни быть узванными, иногда зло шутили, не боясь резких сравнений.

Прозвучал раскатистый смех после очередного выпада Дюма в адрес власти:

– Кобылке надо такого, как Бонапарте, чтобы оставить под копытом Францию. Слабо малышу Карлуше! Кобылка ля Саксони строптивая! Взбрыкнётся, он упадёт – и будет бобо! И яйца всмяточку, и судьба... Бац, бац! В десяточку!.. – он заставил всех обратить на себя внимание.

Все сидящие за столами смеялись над его меткими репликами.

Стоя в дверях, приподняв цилиндр, Андре всматривался в зал, затем выкрикнул:

– Шарль!

За отдалённым столиком все повернулись к двери, тут же перестав смеяться. Андре, махнув рукой, удалился из таверны. Шарль вышел из-за стола, с ужимками извинившись перед друзьями, сказал:

– Айн момент! – и спешно семимильными шагами стал догонять Андре, через несколько секунд исчезнув в оставленных нараспашку дверях.

Собравшиеся за столом проводили его взглядом, и первым разрядил паузу весельчак Дюма, сказав, как всегда, с от-

тенком непристойности:

– Шарль явно озабочен! – подмигивая, – ох, этот Андре!
Как переходной флажок! – смеясь до колик. – Из рук в руки!

Эта шутка осталась без ожидаемой реакции. Дюма смутился, хотя казалось, в нём как такового смущения вообще не было...

...По молодости, если не с самого рождения, Дюма был смелым, раскрепощённым, и в этом он напоминал своего отца, наполеоновского генерала Тома-Александра Дюма, который наравне с Бонапартом прошёл огонь, воду и медные трубы, поэтому был «рыцарем без страха и упрёка». Однако впоследствии друзья рассорились, не поделив что-то между собой, вследствие чего старший Дюма остался не у дел, без средств на пристойное существование. Но в семье Дюма и это превратили в шутку: ведь таких генералов было пруд пруди, впрочем, среди них был и отец Гюго. После смерти отца, генерала Дюма, семья жила в нищете. Сын Александр, чтобы прокормить семью – мать и сестру, был вынужден заниматься браконьерством. Юношеский максимализм слепо вёл к поставленной цели – взять реванш. Двадцатилетний Дюма отправился покорять Париж, где по знакомству друга отца его приняли клерком к герцогу Орлеанскому.

Находясь среди книг в громадной библиотеке, он начал творить – писать легко и глупо, так оригинально и правдиво до наивной простоты, что это доводило до умиления как прислугу, так и самого герцога.

Неожиданно Дюма (в этой же таверне) познакомился с Гюго, и они стали друзьями, соратниками по перу. В кругу их небольшого товарищества все его любили и уважали.

И сейчас сидящие за столиком смотрели на него с теплотой.

Мериме с лёгкой иронией констатировал:

– Смешно, душа Дюма! Смешно!.. – зааплодировал.

Проспер Мериме был самым умным и рациональным из всей компании. Он был выходцем из семьи образованного химика и живописца Франсуа Леонора Мериме. С его мнением считались буквально все.

Молчаливый Мюссе, взглянув на Мериме, произнёс:

– Шарлю угодна любая связь, лишь бы быть всегда точкой над «и». Иначе он не был бы нашим с вами критиком. Такая у него работа – вешать ценники на всех, в том числе и на нас. Это его кусок хлеба. Надо крутиться, чтобы заработать на булочку с марципаном, да и попотеть, – с кривой усмешкой, – сочувствую, придётся долго работать.

Все посмотрели на Мюссе. Он, как всегда, был накурен, заверяя, что таким образом лечит свои нервы; из-за периодических срывов многие считали его истеричным. Долгие годы Мюссе искал себя на поприще юриспруденции и медицины, но дальше любопытства не пошёл, заявив себе:

– Это не моё! – после чего не обременял больше тяготами мозг и душу.

И только найдя новый круг общения из писателей и по-

этов, он ощутил в себе порыв вновь попытаться найти себя, понять, кто он таков. Мюссе вдруг захотелось стать значимым. Он был старше остальных, говорил редко, но метко, к нему прислушивались как к человеку в летах.

Потеряв интерес к Шарлю с Андре, все отвернулись от двери, принявшись доедать цыплёнка и запивать трапезу вином.

На улице Андре и Шарль, встретившись как старые приятели, поприветствовали друг друга хлопками по плечу. Андре, нагнетая интерес Шарля, не скрывал обуревавших его эмоций:

– Ты представляешь! У нашего любимого появилась новая пассия!

Шарль был весь во внимании. Разговор, казалось, попахивал очередной сенсацией, обещающей стать остренькой... И о ком эта сплетня?.. О самом Гюго!

Андре постучал тростью по носку своего башмака, и Шарль мгновенно обратил на это внимание:

– Что, никак развод от него получил? – с кривой усмешкой поинтересовался он. – Вытри...

Он не успел договорить, как Андре тут же нервным движением вытер свои губы, не понимая, что на них могло остаться.

Шарль вновь криво усмехнулся, глядя с безразличием на обеспокоенность Андре, поддел друга:

– Да нет там ничего, кроме слюней, успокойся! Право, как

баба! Ну, давай, вытряхивай всё из себя! Всю свою суть!

Андре, недовольно посмотрев на него, зло пробубнил:

– А причём тут моя суть? Я абсолютно не о своей сути! Есть и поинтереснее вещи в нашем мире!.. – многозначительно глядя на друга. – Например, Виктор!

При упоминании Гюго у Шарля загорелись глаза, он впился в Андре взглядом, умоляя продолжать:

– Ладно, не томи, говори уже!

Андрей оставил в покое трость, опёрся на неё и многозначительно сказал:

– Ой, как вас пробило, месье Сент-Бёв! – с интересом посмотрел на друга. – С чего бы это?

Шарль, покрываясь тёмно-бурыми пятнами, зло прищурился:

– Как вижу, не меня одного. Давай, выкладывай!

Андре наконец прорвало:

– Ты и представить не можешь! Девка! Цыганка! – Он показал на себе округлившиеся формы живота. – О! – ёрничая, – так что ещё один Гюго вот-вот на выходе. – Закатив глаза, с сарказмом выпалил: – Он это мне сам сказал! О Боже! Кажется, Гюго – второй Чингисхан! Решил воплотить в жизнь план по селекции «Человечество – мои дети». Сколько их уже по Парижу и окрестностям бегают? Гигант! Гигант во всем!

Шарль посмотрел на Андре, подчёркнуто сдержанно ответил:

– Тебе виднее! Гигант он или нет!

Андре моментально залился краской, но уже через секунду вспыхнул:

– Да, гигант! И может, и хочет! – окинул Шарля взглядом с ног до головы и с ехидством выдавил: – не то что некоторые! Не только мужики от них бегают, но и бабы. Да таким мужикам кроме как роли рваной жилетки ничего не отведено.

Шарлю стало обидно и стыдно. Он стал выпытывать подробности:

– Ну и как, та цыганочка – хороша или...

Андре неожиданно почувствовал вдохновение, в нём проснулся рассказчик, и он затрещал, как сорока:

– Ну, опять же для начала! Она не цыганка! Это я так с бухты-барухты ляпнул. Она что ни на есть венгерка. Из Трансильвании. Красавица!

Покачав головой, разложив бурлящие мысли по полочкам, он, как истинный знаток прекрасного, восторженно произнёс:

– Формы, конечно, несколько в расплывчатом виде, но девка хороша!.. – собрав пальцы и причмокнув: – Персик! Наливной! Вся из себя, а главное! Дитя! Лет 15, не больше. – Подметив замешательство на лице Шарля, язвительно добавил: – Вот что значит – женился рано. Стало быть, ещё не нагулялся... – продолжал с издёвкой, – видно, через него прошло не так уж много девочек, план теперь выполняет, чтобы было, что в старости вспомнить... – ядовито, – а писал...

Он замялся на мгновение в поисках поддержки со стороны Шарля, но, не дождавшись, продолжил поносить друга:

– Я и говорю, что он писал по молодости да по глупости одни фантазии и причуды... – с ехидством, – фантазёр!.. – и добавил: – Ну что ему могла дать его Адель Фуше? Он её и не любил никогда, так, по молодости, хотел выглядеть в её глазах мужчиной. – Засмеялся: – Он и поэт! Решил блеснуть своей самодостаточностью перед девушкой, которая на тот час отдавала предпочтение Эжену, его брату.

Тоже мне, Ромео и Джульетта. Родители сказали, родители сделали. И быть по сему! – Не в силах сдержать сарказма: – Та обещала любить до гроба одного, а вышла замуж за другого. Немудрено, что в день свадьбы разгорелась ссора! Брат пошёл на брата!

Поедая взглядом Шарля, побелевшего как полотно, он продолжил уничтожать буквально всех – Шарля, Гюго, Адель, Эжена... Прежде всего – в своих глазах:

– И из-за кого?!

Андре, расставив ноги, как победитель, окончательно раздавливая Шарля взглядом, понимая, что тот неравнодушен к прелестям Адель Гюго, припечатал:

– Нравы! Нравы! Помнится, на следующее утро после этих разборок Эжен лишился рассудка. – Глядя на вымученное лицо Шарля, признался: – Я бы из-за неё не сходил с ума... – хмыкая, – было бы... – тут же осёкся, посмотрев на выражение лица Шарля.

Тот стоял молча, щёки его побагровели, глаза от злости налились кровью.

Стараясь выкрутиться из двусмысленной ситуации, которую он сам же и создал своей бездумной болтовнёй, Андре стал уводить разговор в другую сторону, сменив тему:

– Короче, наш Гюго просто попал в русло нового времени, и не кто иной, а сам Шатобриан начал его возносить. Нам бы... Не дождёмся! – Помрачнев: – Только и дела, что чужую славу да чужие успехи обсуждать и критиковать.

Чувствуя, что он вновь опускается до грязных сплетен, с вызовом посмотрел на Шарля и с пафосом провозгласил:

– А судьи? Критики – кто? – И сам ответил на вопрос, глядя на раздавленного в собственных глазах Сент-Бёва: – Каждый из них никто! Мыльный пузырь! Что надувается до определённого размера – и всё... – лицо его скривилось от улыбки, – лопается на глазах, подтверждая, что он обычный мыльный пузырь, другими словами – пустое место... – перевод дух, – ничего толком так и не сделал.

Шарль, выслушав монолог друга до конца, резко развернулся и, не проронив ни слова, вернулся в таверну.

Андре торжествовал: он отомстил за своё достоинство многим и во многом стоял выше их. Он чувствовал небывалый подъём, невероятную силу духа. Глаза его сияли, день стал казаться ещё теплее, а солнце сияло ещё ярче. И вообще жизнь – прекрасная штука.

Позабыв как о Гюго, так и о Шарле, он вальяжно шёл по

улице, насвистывая мелодию и размахивая тростью по-особенному артистично – игриво, на что обращали внимание ротозеи и зеваки, снующие туда-сюда летним днём в перенаселённом Париже. Со стороны прохожие смотрели на него с любопытством, и его это радовало. Их внимание создавало некий рейтинг, который каждый желал бы иметь. Так становятся знаменитыми. Он, Андре, в данный момент был по-своему счастлив.

ХII

Адель

Она лежала на большой кровати в белом пеньюаре и чепчике, в муках принимая рассвет. Он сегодня так и не пришёл ночевать. Её муж, Виктор Гюго. Это вошло в привычку – забывать про молодую жену, которая мечтала о любви, о страстных поцелуях и крепких объятиях. Но они были столь редкими, лишь по случаю гонораров. Тогда он заваливался домой в полупьяном виде и одаривал жену и детей – Леопольдину, Шарля, Франсуа и крошку Адель. И, кажется, был счастлив.

Сняв с себя чепчик и бросив его на постель, Адель с отчаянием крикнула:

– Я не старуха!

Не выдержав душевных мук, она, растрепав каштановые волосы, упала на подушки и зарыдала. Ей было обидно до боли, ведь поначалу всё так красиво складывалось...

...Казалось, жизнь дала ей карт-бланш в том ещё недавнем прошлом, когда за ней ухаживал Эжен: он бегал за ней по пятам, не давая прохода, в то время как Виктор так рьяно добивался её, во всём состязаясь со своим братом. Помнится...

...Она привстала на кровати и посмотрела вдаль; ласко-

во светило солнышко, рассыпая косые лучи через приоткрытое окно в комнату, по её усталому лицу скользнуло подобие улыбки. Да, помнится...

...Тогда, в прошлом, он, Виктор, был пылким и страстным. Наедине с ней он читал только что сочинённые стихи, в которых идеализировал её, Адель, девушку, в которую, как он утверждал, был влюблён с пелёнок. Ей нравилось внимание юношей, она даже с грустью вздыхала по Эжену. Это злило Виктора, и он делал всё возможное, чтобы завоевать её, отбить у брата. В нём была характерная черта собственника. Он ревновал ко всем, даже к её дяде.

Тот имел дурную привычку – при встрече раз-другой чмокнуть Адель; наверное, так он подзаряжал себя, черпая энергию от её молодости и считая себя по-прежнему молодым и красивым, каковым слыл ещё лет 10 назад. Она редко не позволяла ему подобные выходки при посторонних, отмечая, что от неё не убудет, что он после этого оставит её в покое, а не будет пристрасно смотреть, как мартовский кот на свою добычу. Так всегда и происходило.

Виктора, впрочем, и Эжена тоже, это злило и бесило. Виктор тогда был страстным, пылким, но отталкивал излишней навязчивостью. Адель была безразлична к романтике, скорее всего, она пресытилась ею, ведь её всегда окружали поклонники – юноши и зрелые мужчины. Она привыкла к всеобщему вниманию; пренебрегая им, стала ленивой, долго

спала. Это раздражало её мать, которая следила в доме за порядком: ей хотелось выдать дочь замуж. Она не раз говорила Адель: «Надо выбирать тех, кто тебя любит как собственник и кто сможет содержать».

При случае она намекала о женитьбе и Виктору, провоцируя того на столь важный шаг; зачастую винила его мать, что так противилась их браку с Адель, та считала девушку взбалмошной, пустой, ленивой. Хотя для стороннего глаза Адель была и воспитана, и умна, и хозяйственна. Но она росла на глазах у матери двух взрослых сыновей, потому отговаривала от неё и Эжена, и Виктора, понимая, что их подруга является эпицентром раздора.

В конце концов Адель поссорилась с Эженом, дав обещание Виктору выйти за него замуж.

Избранный сходил с ума от счастья, строчил ей письма в стихах, писал её портреты, наброски. На радостях просил руки у супругов Фуше. Софи Гюго, мать, слышать не хотела ни о какой свадьбе, считая, что деньги её семьи будут утекать в другую семью. Мать нервничала – семье грозил распад; она получила инсульт и умерла. Гюго потерял близкого человека – мать, что так любила и заботилась о нём. Отец, генерал Гюго, был счастлив породниться с семьёй Фуше. Ещё бы – иметь такую невестку, которую он нередко хлопал по заду, а та в ответ лишь мило и безропотно улыбалась.

Адель и впрямь это казалось забавным, даже льстило его мужское внимание, тем более что в детстве она в него была

влюблена, ведь именно он был идеалом мужчины – красивый, смелый, бравый, ловелас.

После похорон матери у семьи Софи Гюго не осталось лишней копейки за душой, но именно тогда Виктор «попал в струю». Блажь старого короля Людовика. И быть посему! «Дать Гюго, одному из немногих, пожизненное содержание в 1200 франков в память уходящего в закат КОРОЛЯ», чтобы отметить монархически настроенных поэтов, оделить их знаками королевского внимания.

Гюго получил желаемое – согласие Адель, славу и деньги. Его сборник стихов взорвал общественное мнение, а опека короля позволила ему выйти в центр внимания. Доход от сборника воздался сторицей: он был втрое больше, нежели ожидали он, Адель и супруги Фуше. Свадьба была поистине желанной. К ней готовились все, кроме Эжена...

...Адель, сидя на кровати, в отчаянии пробормотала:

– Бедняжка Эжен! Это я виновата в твоём безумии, прости меня. Я не думала, что так будет. – Закатив глаза, в мольбе произнесла: – О Боже, прости! Помоги мне! Я устала принимать удары судьбы! Теперь я поняла, что нельзя отталкивать настоящую любовь!

Вспомнив Эжена, Адель заплакала, признаваясь себе:

– Эжен любил меня по-настоящему, а Виктор... Лишь любил свою любовь ко мне. Он предавал меня и не раз... – отвернувшись, уткнулась лицом в подушку и безудержно раз-

рыдалась.

ХІІІ

Габи

Габи сияла от счастья: вот-вот должен прийти её Виктор, Вики, как нежно она его называла. Он обещал привезти доктора, который должен её осмотреть.

Поэтому она до сих пор, хотя день уже подходил к полудню, сновала в новом модном пеньюаре, нетерпеливо переходя из одной комнаты в другую. Она волновалась, и это было заметно. Особенно взволновало её цоканье копыт по брусчатке, что говорило о прибытии его, Вики.

С улицы доносились голоса. Она подошла к двери, прислушалась, лёгкая улыбка скользнула по её лицу, глаза засияли, превратившись в горящие угольки. Послышались шаги, кто-то поднимался наверх. Ухо Габи уловило непонятную речь. Но для неё это не имело значения, ведь он уже рядом. Она дождалась!

Габи, вздохнув, отступила от двери к окну, раздвинула шторы и с любопытством выглянула на улицу, где сновали прохожие, прохладаясь в тени зданий, размеренно вышагивая по тротуару из брусчатки; они заинтересованно о чём-то беседовали, скорее всего, как и обычно, о политике.

Дверь открылась, в проёме показался сначала Гюго, за ним вошёл старенький доктор с взъерошенной шевелюрой

и массивным саквояжем в руке. Поправив очки, он внимательно осмотрелся по сторонам, наконец заметив стоящую у окна Габи.

Она от смущения мгновенно спряталась за штору.

Гюго, увидев это, поспешил к любимой, вывел её из-за шторы и успокоил:

– Ну что ты, родная, не пугайся! Это доктор, месье Питивьере!

Доктор, растерявшись, рассеянно посмотрел на неё:

– Ой, какое очаровательное дитя!

Гюго и Габи подошли к нему. Врач взял Габи за локоть, рассматривая со всех сторон и приговаривая:

– Какое лицо! Какая красавица! Королева!

У него загорелись глаза, кажется, и он невольно увлёкся её красотой. Гюго резко оградил девушку от столь пристального взгляда, пусть старика, но всё же мужчины.

Габи глядела на доктора с непониманием, не зная, чего он хочет, не понимая, зачем он рассыпает комплименты.

Пришедший с Гюго произнёс:

– Не пугайтесь меня, мадам, я говорю это из добрых побуждений, не сглажу... – повернувшись к Гюго, спросил: – где мне можно уединиться, чтобы осмотреть будущую маму?

Габи смутилась, с тревогой посмотрев на Виктора, а вслух сказала:

– Вики! Я думаю, что в твоём кабинете на диване будет удобно.

Гюго кивнул; указав рукой в сторону комнаты, он предложил доктору пройти туда.

Доктор с саквояжем в руках проследовал в кабинет, за ним прошли Габи и хозяин дома.

Комната была светлая, солнечные лучи хорошо её освещали. Все трое какое-то время находились в немом замешательстве. Доктор направился к массивному дивану, что стоял в комнате как достопримечательность. Он был изготовлен из дорогого красного дерева и обит шёлком.

Остановившись около дивана, старичок оглянулся, увидел чуть в стороне от двери табурет с тазом и стоящий на полу кувшин и бодро произнёс:

– Так!.. – скользнул взглядом по лицу Габи. – Вы пока располагайтесь на диване, а мне надо руки вымыть, – взглянув на Гюго, буркнул: – Надеюсь, что вы, молодой отец, сольёте мне на руки воду?

Гюго расторопно поспешил к тазу, доктор за ним. Помыв руки, гость подошёл к дивану, потирая ладони, прощамкал сухими губами:

– Так-так-так! Ну, давайте, мадам, будем производить осмотр! – резко обернувшись к Гюго, строго скороговоркой выпалил: – А вот отцам смотреть уже нечего! – указав тому рукой на дверь, пробурчал: – Закройте, месье, пожалуйста, дверь с той стороны!

Гюго кивнул в знак понимания, удалился. Доктор начал осматривать живот Габи. Она лежала на спине с открытыми

глазами, словно окаменев; он, улыбнувшись уголками губ, сказал:

– Ну что ж вы, милая! Так боитесь?

Габи кивнула.

Он поспешил заверить в благих намерениях:

– Меня, милочка, вам точно не надо бояться!.. – расплываясь в улыбке, – я давно старик! Немочь во мне, сгорел мужской запал. – Становясь серьёзным, попросил: – Согните ноги в коленях.

Он поднял подол сорочки, прикладывая зеркало, озадаченно хмыкнул, сделал ручной осмотр, стараясь не касаться стенок матки. Габи лежала, сжав зубы, из глаз катились слёзы.

Доктор, посмотрев на неё, озадаченно сказал:

– Да! Здесь придётся подумать! Плод большой, уже опустился, матка начала раскрываться, практически... Вот-вот... – С удивлением посмотрев на неё, поинтересовался: – Вы что, не ощущаете схваток?

Отрицательно покачав головой, Габи с гордостью произнесла:

– Я привыкла к болям, я их просто игнорирую, поэтому не ощущаю.

Он поднял на неё любопытный взгляд:

– Да, вы не из тех доморощенных мамзелей, что живут в тепличных условиях! Они кричат на весь квартал, даже если всего лишь кашляют. – И, по-отечески взглянув на милое

дитя, добавил: – Будем рожать!

Лицо Габи менялось, становясь то розовым, то бордовым, то вдруг, на глазах, скорее всего, от боли и испуга, белело как полотно; после того как боль уходила, оно вновь розовело.

Мужественно выдерживая потуги, она заплакала от счастья; собравшись с силами, в момент очередных потуг крикнула:

– Вики!

В комнату вбежал испуганный Гюго; остановившись у дивана, он испуганно посмотрел сначала на Габи, потом на доктора. Она и он умилённо улыбались.

Доктор, разводя руками, заявил:

– Ждём сына! Сегодня или к утру!

Гюго посмотрел на Габи; она, улыбнувшись, кивнула головой. По его щекам градом бежали слёзы; он бросился к ней, пав на колени, стал обнимать и целовать, приговаривая:

– Умница! У меня будет сын, наш сын!

Доктор смотрел на них со стороны, словно присутствовал на их исповеди, где происходило таинство этой влюблённой пары.

XIV

Ночь без сна

Адель в сорочке с распущенными волосами всю ночь провела на кухне. Она сидела в темноте за столиком перед огарком догорающей свечи, гадала на картах, всматривалась в их едва различимые ответы на её вопросы. «Любит ли ещё её муж, Виктор?» Ответ никак не мог её удовлетворить.

Она вновь и вновь раскладывала карты, но те молча настаивали на одном: любви рядом с ней нет.

В кухню, неслышно ступая, вошла прислуга. Мадам Забель спросонья пробурчала:

– Ну что, любя моя, вам опять не спится? – тяжело вздыхая, – всё ищете месье Виктора вне дома?

Махнув рукой, она прошла к раковине, налила в ладонь воды, умылась; не вытирая лица, подошла к Адель, всмотрелась на разложенные карты, констатировала:

– Да уж! Плохи дела! – хмыкнула она. – Если не сказать – совсем ни к чёрту... – Она ещё раз взгляделась в карты. – Присох к бабе! Вон и карты об этом говорят, а они по ночам, это я тебе точно скажу, не лгут.

Мадам Забель с удивлением посмотрела на Адель, по-бабски сделав определённые выводы, добавила:

– Так тебе прохладнее спать... – кивая в сторону окна, –

жара же стоит несусветная, дышать нечем... – отдуваясь от жары, – вот и я вышла на кухню умыться... – кряхтя, – тоже что-то сон не идёт.

Заметив грустное лицо Адель, поспешила отвлечь хозяйку, суетливо пробормотав:

– Твои малыши спят как голубки, заходила, высмотрела каждого. Ангелы им снятся. Больно уж сладко посапывают.

Адель вскинула на прислужницу немой взгляд, в котором читался страх. Думая о своём, она настороженно спросила:

– Тогда... Как мне жить? Я боюсь будущего!

Мадам Забель ласково посмотрела на неё, провела рукой по мягким пушистым волосам, с нежностью ответила:

– А так и живи! Ради себя и детей! А он, твой Виктор, помяни моё слово, всё равно к тебе придёт. Как ни крути – семья!.. – С усмешкой добавила: – Не майся! Ты его бери женскими делами, раз уж он такой ходок... – Вскользь бросила: – Стало быть, не нагулялся по молодости.

Адель сидела подавленная, расстроено смешав карты, призналась:

– Наверно! Рано женился!.. – тяжело вздохнув. – Детьми были, я глупая, да и он. – С усмешкой констатируя: – Это даже и сегодняшним днём нельзя назвать любовью. Так, детская игра в жениха и невесту. Вот и сейчас играем в дочки-матери.

Забель вздохнула:

– Иди ложись! Вся жизнь впереди, не майся!

Развернувшись, она направилась на выход.

Адель с тревогой спросила:

– А может, мне его присушить?

Забель оглянулась, искоса глядя на неё, зло бросила:

– Не дай Бог! Тогда и он, и ты будете как неприкаянные вдвоём маяться... – в испуге, – не дай Бог! Тогда колдовство на детях отыграется. – Увидев страх в глазах Адель, поспешила успокоить: – Всё будет хорошо! Не ломай судьбы! Живи и радуйся! Мужики не стоят того, чтобы из-за них грешить. – Уже на выходе бросила: – Перетерпи! А лучше – заведи-ка ты себе кобеля... Вон, сколько их вокруг, и все сучатся вокруг твоих ноженек. Ты молода, красива! Живи для себя! Сколько той жизни-то?! – с лёгким сердцем Забель вышла.

Адель, взъерошив руками волосы, вздохнула:

– Вот именно! Буду жить! Найду себе отдушину!

Она задумалась, вслух невольно произнесла:

– Но из кого?

И тут же осеклась, понимая, что никто из окружения не похож на её Гюго. Он такой страстный в постели!

Раньше, по молодости, она этого не понимала, была к нему холодна как к мужчине. Вышла замуж, чтобы стать независимой женщиной, жить вдаль от матери, которая постоянно поучала, как жить и что делать. Поначалу стыдно было заниматься откровенными сладострастиями, а сейчас...

...Она потушила свечу. В полной темноте, спотыкаясь, пошла к выходу. За окном оставалась тёмная ночь без звёзд и луны.

XV

Ночь Гюго

Гюго в полудрёме сидел в кресле, допив вино. Писать не хотелось. Отмахнувшись от кого-то рукой, насуплено про-
бормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.